

ПРАЗДНИКЪ.

Скоро полночь.

Въ синемъ небѣ надъ маленькой площадью Капри низко плывутъ облака, мелькаютъ свѣтлые узоры звѣздъ, вспыхиваетъ и гаснетъ голубой Сириусъ, а изъ дверей церкви густо летятъ важное пѣние органа и все это: бѣгъ облаковъ, трепеть звѣздъ, движеніе тѣней по стѣнамъ зданий и камню площади—тоже какъ тихая музыка.

Подъ ея торжественный ритмъ вся площадь, странно похожая на оперную декорацию, колеблется, ставовясь то тѣсной и темной, то просторной и призрачно свѣтлой.

Надъ Монте - Соляро раскинулось великолѣпное созвѣздіе Ориона, вершина горы пышно увѣнчанная бѣлымъ облакомъ, а обрывъ ея, отвѣсный какъ стѣна, изрѣзанный трещинами—точно чье-то темное, древнее лицо, измученное великими думами о мирѣ и людяхъ.

Тамъ, на высотѣ шестисотъ метровъ, накрытъ облакомъ заброшенный маленький монастырь и при немъ—кладбище, тоже маленькое, могилы на немъ подобны цвѣточнымъ грядкамъ, ихъ немного и въ нихъ, подъ цвѣтами, всѣ монахи этого монастыря. Иногда его сѣрые стѣны выглядываютъ изъ облака, точно прислушиваясь къ тому, что творится внизу.

По площади шумно бѣгаютъ дѣти, разбрасывая шутихи, по камнямъ съ трескомъ разсыпаятся красныя искры, прыгаютъ огненные змѣи; иногда смѣлая рука бросаетъ зажженную шутиху высоко вверхъ, она шипитъ, мечется въ воздухѣ, какъ испуганная летучая мышь, ловкія темныя фигурки бѣгутъ во всѣ стороны со смѣхомъ и криками—раздается гулкой взрывъ, на секунду освѣщая десятки ребятишекъ, прижавшихся въ углахъ—десятики бойкихъ глазъ весело вспыхиваютъ во тьмѣ.

Взрывы раздаются почти непрерывно, заглупшая хохотъ, возгласы испуга и четкій стукъ деревянныхъ башмаковъ по гулкой лавѣ; вздрагиваютъ тѣни, взмывая вверхъ, на облакахъ красныя отраженія, а старыя стѣны домовъ точно улыбаются—онѣ помнить стариковъ дѣтми, не одну сотню разъ видѣли это шумное, немножко опас-

ное веселье дѣтей въ ночь на Рождество Христово.

Но чуть только выдѣлится секунда тишины—снова слышенъ молитвенный гулъ органа, а снизу ему отвѣчаетъ море глухими ударами волнъ о прибрежныя камни и шелковымъ шорохомъ гальки.

Заливъ—точно чаша, полная темнымъ, пѣннымъ виномъ, а по краямъ ея сверкаетъ живая нить самоцвѣтныхъ камней, это огни городовъ—золотое ожерелье залива.

Надъ Неаполемъ—опаловое зарево, оно колышется, точно сѣверное сіяніе, десятки ракетъ и фугасовъ врываються въ него разноцвѣтными букетами яркихъ огней и, на мигъ оставаясь въ трепетномъ облакѣ свѣта, гаснутъ—доносится тяжкій гулъ. По всему полукругу залива идетъ неустанно красивая бесѣда огня: холодно горитъ бѣлый маякъ неаполитанскаго порта и сверкаетъ красное око Капо ди Мизена, а огни на Прочидѣ и у подножія Искіи—какъ ряды крупныхъ брилліантовъ, нашитыхъ на мягкой бархатъ тьмы.

По заливу ходятъ стада бѣлыхъ волнъ, сквозь ихъ пѣвучій плескъ издали доносятся смягченные вздохи взрывовъ ракетъ, все еще гудитъ органъ и смѣются дѣти, но вотъ—неожиданно и торжественно колоколь башенныхъ часовъ бьетъ четыре и двѣнадцать разъ.

Кончилась месса, изъ дверей церкви на широкія ступени лѣстницы пестрой лавою течетъ толпа—навстрѣчу ей, извиваясь, прыгаютъ красныя змѣи, пугливо вскрикиваютъ женщины, радостно хохочутъ мальчишки—это ихъ праздникъ и никто не смѣетъ запретить имъ играть красивымъ огнемъ.

Немножко испугать солдата, празднично одѣтаго врослаго человѣка, заставить его, деслата, попрыгать по площади отъ шутихи, которая гонится за нимъ, шипя и обрызгивая искрами сапоги его—это такое высокое удовольствіе! И его испытываешь только одинъ разъ въ годъ.

Чувствуя себя въ день рожденія Младенца, любившаго ихъ, королями и хозяевами жизни—дѣти не скупятся воздать взрослому за годъ ихъ скупной власти минутами своего веселаго могущества: взрослые въ-

деньки тяжело подпрыгиваютъ, увертываясь отъ огня, и добродушно просятъ о пощаду:

— Баста! Эй, разбойникъ,—баста!

Спѣшно идутъ зампоньяры—пастухи изъ Абурицы, горы въ синихъ короткихъ плащахъ и широкихъ шляпахъ. Ихъ стройныя ноги въ чулкахъ бѣлой шерсти опутаны крестъ-на-крестъ темными ремнями, у двоихъ подъ плащами вольники, четверо держать въ рукахъ деревянные, высокаго тона, рожки.

Эти люди являются на островъ ежегодно и цѣлый мѣсяцъ живутъ здѣсь, каждый день славословя Христа и Богоматерь своей страной, красивой музыкой.

Трогательно видѣть ихъ на разсвѣтъ, когда они, бросивъ шляпы къ ногамъ своимъ, стоятъ передъ статуей Мадонны, вдохновенно глядя въ доброе лицо Матери и играя въ честь Ея невыразимо волнующую мелодію, которая однажды мѣтко названа была „физическимъ ощущеніемъ Бога“.

Теперь пастухи идутъ къ яслямъ Младенца. Онъ лежитъ въ домѣ старика столяра Паолило и Его надобно перенести въ церковь Санъ-Микеле.

Дѣти бросаются вслѣдъ за ними, узкая улица проглатываетъ ихъ темныя фигурки и—нѣсколько минутъ площадь почти пуста, только около храма на лѣстницѣ тѣсно стоитъ толпа людей, ожидая процессію, да тѣни облаковъ тепло и безмолвно скользятъ по стѣнамъ зданій и головамъ людей, словно лаская ихъ.

Вдыхаетъ море. Во тьмѣ надъ перешейкомъ острова рисуется пинія, какъ огромная ваза на тонкой ножкѣ. Ослѣпительно сверкаетъ Сириусъ, туча съ Монте-Соляро сползла, ясно виденъ сиротливый монастырь надъ обрывомъ горы и одинокое дерево передъ нимъ, какъ на стражѣ.

Изъ арки улицы, какъ изъ трубы, свѣтлыми ручьями радостно льется пѣснь пастуховъ; безъ шляпъ, горбоносые и въ своихъ плащахъ похожіе на огромныхъ птицъ, они идутъ, играя, окруженные толпою дѣтей съ фонарями на высокихъ древкахъ, десятки огней качаются въ воздухѣ, освѣщая маленькую, круглую фигурку столяра Паолило, его серебряную голову, ясли въ его рукахъ и въ ясляхъ, полныхъ цвѣтами—розовое тѣло Младенца, съ улыбкой поднявшаго вверхъ благословляющія ручки.

Старикъ смотритъ на эту куклу изъ терракотты съ такимъ умиленіемъ, какъ будъ

то она для него—живая, дышетъ и обѣщаетъ съ восходомъ солнца утвердить „на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Со всѣхъ сторонъ къ яслямъ наклоняются сѣдыя, обнаженныя головы, суровыя лица, всюду блестятъ ласковые глаза, вспыхнули бенгальскіе огни, все темное исчезло съ площади, какъ будто неожиданно наступилъ разсвѣтъ, дѣти поютъ, кричатъ, смѣются, на лицахъ взрослыхъ—милыя улыбки, можно думать, что они тоже хотѣли-бы прыгать и шумѣть, но—боятся потерять въ глазахъ дѣтей свой престижъ людей серьезныхъ.

Надъ толпой золотыми мотыльками трепещутъ желтые огни свѣчъ, выше, въ темно-синемъ небѣ разноцвѣтно горятъ звѣзды, изъ другой улицы выливается еще процессія—это дѣвочки со статуей Мадонны и—еще музыка, огни, веселые крики, дѣтскій смѣхъ—всею душой чувствуешь рожденіе праздника.

Младенца несутъ въ церковку Санъ Микеле, въ ней—по ветхости ея—давно не служаться и цѣлый годъ она стоитъ пустая, но сегодня ея древнія стѣны украшены цвѣтами, листьями пальмъ, золотомъ лимоновъ, мандариновъ и вся она занята искусно сдѣланной картикой Рождества Христова.

Изъ большихъ кусковъ пробки построены горы, пещеры, Вифлеемъ и причудливыя замки на вершинахъ горъ, змѣею вьется дорога, по склонамъ горъ—стада овецъ и козъ, сверкаютъ водопады изъ стекла, группы пастуховъ смотрятъ въ небо, гдѣ пылаетъ золотая звѣзда, летятъ ангелы, указывая одной рукой на путеводную звѣзду, а другой въ пещеру, гдѣ пріютились Богоматерь, Іосифъ и лежитъ Младенецъ, поднявъ руки въ небеса. Идетъ пестрый, нарядный караванъ волхвовъ и царей, надъ ними на серебряныхъ нитяхъ качаются ангелы, съ вѣтвями пальмъ и розами въ рукахъ. Длиннобородые маги на верблюдахъ, одѣтые въ яркіе шелка; бѣлокурые короли, верхомъ на лошадахъ, въ роскошныхъ локонахъ и въ парчѣ, кудрявые черные нумидійцы, арабы и евреи, и еще какія-то яркія, фантастически одѣтыя фигурки изъ терракотты—ихъ сотни въ этой картинѣ.

А вокругъ ясель арабы, въ бѣлыхъ бурнуссахъ, уже успѣли открыть лавочки и продаютъ оружіе, шелкъ и сласти, сдѣланныя изъ воска, тутъ же какіе-то неизвѣстныхъ націй люди торгуютъ виномъ, женщины съ

кувшинами на плечахъ идутъ къ источнику за водой, крестьянинъ ведетъ осла, нагруженнаго хворостомъ, вокругъ Младенца — толпа колѣноупоклоненныхъ людей и всюду играютъ дѣти.

Все это сдѣлано, одѣто, раскрашено и размѣщено умѣло и красиво, и кажется, что—все живетъ и шумитъ.

Дѣти стоятъ передъ этой картиной, уже видѣнной ими въ прошломъ году, внимательно осматриваютъ ее и зоркіе, памятливые глазенки тотчасъ же замѣчаютъ то новое, что добавлено на этотъ разъ. Дѣлятся открытіями, спорятъ, смѣются, кричатъ, а въ углу стоятъ тѣ, кто сдѣлалъ эту красивую вещь, и—не безъ удовольствія прислушиваются къ похваламъ юныхъ цѣнителей.

Конечно—они взрослые, отцы семействъ и слишкомъ серьезны для того, чтобы увлекаться игрушками, они держатся такъ, какъ будто все это нисколько не касается ихъ, но дѣти очень часто умѣе взрослыхъ и всегда искреннѣе, они знаютъ, что похвала и старику пріятна, и—не скупятся на похвалы мастерамъ, заставляя ихъ поглаживать усы и бороды, чтобы скрыть улыбки удовлетворенія и удовольствія.

Кое гдѣ ребяташки собираются группами, озабоченно совѣщаясь—составляются „банды“; подъ Новый годъ они будутъ ходить по острову съ елкой и звѣздой большими компаніями, вооружаясь какими-то старинными инструментами, которые оглушительно гремятъ, стучатъ и бухаютъ. Подъ эти смѣшные звуки, хоры дѣтскихъ голосовъ запоютъ веселія, языческія и—часто очень ѣдкія пѣсенки, которыя ежегодно къ этому дню создаются мѣстными поэтами.

* * *

Добраго начала Новаго года
Синьору и синьорѣ!
Выслушайте весело
Добрѣя пожеланія
Вашихъ маленькихъ друзей!
Откройте уши и сердца
И кладовую съ погребомъ!
Нынѣ—день радости—
Будемъ беззаботны и бездѣльниками всѣ!

* * *

Родился нашъ Мессія
И голенькимъ и бѣднымъ.

Быки Его согрѣли
Дыханіемъ своимъ.

О, если-бъ только во время
Нашъ Мальчикъ не явился намъ,
Чтобъ помочь всѣмъ бѣднякамъ,
О, что-бъ было съ нами?

Отъ всѣхъ-то нашихъ горестей
Хотѣлъ освободить Онъ насъ
И жизнь свою для этого
Онъ отдалъ бѣднякамъ.

И вотъ, чтобъ помянуть Его
Достойно Его имени,
Давайте проведемъ сей день
Какъ можно веселѣй.

Смотрите, какъ горитъ звѣзда
На ясномъ небѣ въ честь Его.
Играютъ зампоньяры,
Ликуютъ вся земля.

Вспомните, какъ пастухи
И цари съ волхвами вмѣстѣ
Опустились на колѣни
Передъ яслями Младенца.

А король-разбойникъ Иродъ
Жалко струсилъ предъ Младенцемъ
И велѣлъ, злодѣй, мальчишекъ
Въ своемъ царствѣ перерѣзать.

Но—давно прошло то время.
Иродъ—померъ, а мы—живы.
Нынѣ рѣжутъ въ честь Іисуса
Только куръ да каплуновъ.

Посмотрите—все открыто:
И плоды, и мясо всюду,
Рыба, сладкое, орѣхи
И вино—и все для насъ

Вотъ стоятъ вездѣ корзины—
Въ нихъ ангийль *) и индюшки.
И цвѣты, и апельсины,
Просто на годъ здѣсь всего.

Но исчезнетъ все тотчасъ-же,
Какъ мы примемся за дѣло,

*) Ангийль—угорь.

Въ этотъ праздникъ нѣтъ такого,
Кто-бъ не ѣлъ и не пилъ вволю!

Люди тратятъ все, что могутъ,
Чтобъ наполнить свое брюхо.
Даже если ты и бѣднѣй,
Напоятъ тебя, накормятъ!

Ну, найдите-ка вы праздникъ
Веселѣе, чѣмъ вотъ этотъ?
Каждый, кто живетъ на свѣтѣ,
Въ этотъ праздникъ жизни радъ.

Потому-то мы и ходимъ
Съ музыкою и цвѣтами,
Всѣмъ желая удовольствій,
Свѣтлыхъ дней, добра и счастья!

Пусть исчезнуть всѣ заботы,
Пропадеть навѣки горе,
Чтобъ весь годъ не знать болѣзни,
Не открыть намъ рта для жалобъ!

Видишь, какъ горитъ на небѣ
Лучезарное свѣтило?
Пусть вотъ такъ-же разгорится
Жизнь твоя свѣтло и ярко!

Будь, синьоръ, счастливъ и веселъ
Вмѣстѣ съ присными твоими!
Поступи служить Коммунѣ,
Ты вѣдь знаешь, какъ тамъ грабятъ!

Въ Муничипи—ты знаешь—
Страшно бѣдныхъ прижимаютъ.
Вотъ и ты тамъ перехватишь
Для ребятъ на молочшко!

Можетъ, даже выйдешь въ люди,
Проберешься въ депутаты
И правительство повѣситъ
Орденюкъ тебѣ на шею!

Ты-же—намъ на шею сядешь...
Ну, а если ты священникъ,
То—да будешь благочиннымъ,
А—пожалуй—монсиньоромъ!

Не хватаетъ больше горла
Для хорошихъ пожеланій,
Но мы голосъ возвышаемъ,
Чтобъ закончить нашу пѣсню—

Чтобы крикнуть—съ Новымъ годомъ!
Будьте счастливы и добры,

Будьте веселы, здоровы,
Остальное все придетъ!

* * *

Въ сторонѣ храма все живѣе звенитъ
дѣтскій смѣхъ—лучшая музыка земли, а ге-
бо надъ островомъ уже блѣднѣетъ, близит-
ся разсвѣтъ, звѣзды уходятъ все выше въ
голубую глубину небесъ.

Въ темной зелени садовъ острова разго-
раются золотые шары апельсинъ, желтые
лимоны смотрятъ изъ сумрака, точно глаза
огромныхъ совъ. Вершины апельсиновыхъ де-
реьевъ освѣщены молодыми побѣгами жел-
товато-зеленой листвы, тускло серебрятся оли-
вы, дрожатъ сѣти голыхъ лозъ винограда.

Красно улыбаются встрѣчу зарѣ яркіе
цвѣты гвоздики, герани и малиновыя метел-
ки шалфея, густой запасъ нарцисса ply-
ветъ въ воздухѣ утра, смѣшиваясь съ соле-
нымъ дыханіемъ моря.

Плескъ волнъ—звучнѣе, онѣ стали про-
зрачны и пѣка ихъ бѣлѣетъ, точно снѣгъ.

Самое лучшее въ мирѣ—смотреть, какъ
зарождается новый день.

Вотъ въ небѣ надъ горою вспыхнулъ пер-
вый лучъ—ночная тьма тихонько прячется въ
ущелья горъ и трещины камней, въ серебря-
ной листвѣ оливы, въ широкихъ чашахъ пи-
ной, ложится на землю, въ траву и незамѣт-
но таетъ, а вершины горъ улыбаются лас-
ковой улыбкой—точно говорятъ мягкимъ тѣ-
нямъ ночи:

— Не бойтесь—это солнце!

Волны залива, высоко поднимая бѣлыя
привы, кланяются солнцу, какъ придворныя
красавицы въ сказкахъ своему королю, клан-
яются и поютъ:

— Привѣтствуемъ васъ, владыка міра!

Доброе солнце смѣется—эти волны всю
ночь, играя, кружились по заливу, онѣ та-
кія растрепанныя, ихъ зеленыя бархатныя
одежды измяты, а бѣлые шлейфы порваны и
слутаны.

— Добрый день!—говоритъ солнце, подни-
маясь надъ заливомъ.—Добрый день, краса-
вицы! Но—довольно, тише! Дѣтямъ невоз-
можно будетъ играть на берегу, если вы не
перестанете такъ высоко прыгать. Надо, что-
бы всѣмъ на землѣ было хорошо, неправ-
да-ли?

М: Горькій.